

Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны

Сеймур М. Агамалиев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

seymuraga@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию внешней политики России и неоосманизма Турции в период Второй карабахской войны, длившейся с 27 сентября 2020 г. по 10 ноября 2020 г. В фокусе внимания автора находятся события осени 2020 г. как переломной точки в длительном этнополитическом и территориальном конфликте на Южном Кавказе. Основное внимание уделено определению факторов влияния на позиции, занятые Россией и Турцией в конфликте, как главных внешних арбитров и ключевых региональных игроков, а также последствий предпринятых действий. Выделены главные причины активной поддержки Азербайджана со стороны Турции, а именно: концептуальные основы неоосманизма в комплексе с элементами пантюркизма и мусульманского аспекта, подразумевающие стремление к региональному лидерству на Южном Кавказе и расширение своего доступа в тюркском мире. Определены факторы, оказавшие влияние на отсутствие прямого вмешательства России в ход войны на стороне Армении: сохранение статус-кво конфликта как наиболее приемлемого для поддержания безопасности в регионе; согласие с юридически обоснованными притязаниями Азербайджана на территорию Нагорного Карабаха с точки зрения международного права; важность сохранения стабильных отношений с Турцией при Р.Т. Эрдогане. Отмечается, что шестинедельная война изменила конфигурацию сил в регионе и привела к трансформации полюсов влияния на Южном Кавказе. Турция значительно укрепила свои позиции в качестве регионального актора, а Россия напротив, столкнулась с вызовами и прозападным векторами развития среди бывших стран СССР.

Ключевые слова: Вторая карабахская война, Азербайджан, Армения, Турция, Россия, Нагорный Карабах, Закавказье

Для цитирования: Агамалиев С.М. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):236–248. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248>

Поступила 13.04.2024

Принята в печать 28.05.2024

Опубликована 30.09.2024

The role of Neo-Ottomanism and its features in the context of the Second Karabakh War

Seymur M. Agamaliyev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

seymuraga@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of Russia's foreign policy and Turkey's neo-Ottomanism during the Second Karabakh War, which lasted from September 27, 2020 to November 10, 2020. The author focuses on the events of autumn 2020 as a turning point in the long-term ethno-political and territorial conflict in the South Caucasus. The main attention dedicated to determining the factors influencing the positions taken by Russia and Turkey in the conflict, as the main external arbitrators and key regional players, as well as the consequences of the actions taken. The main reasons for Turkey's active support of Azerbaijan are the conceptual foundations of neo-Ottomanism in combination with elements of pan-Turkism and the Muslim aspect, implying a desire for regional leadership in the South Caucasus and expanding its access to the Turkic world. Author identified the factors that influenced the absence of direct Russian intervention in the course of the war on the side of Armenia. (Maintaining the status quo of the conflict as the most acceptable for maintaining security in the region; agreeing with Azerbaijan's legally justified claims to the territory of Nagorno-Karabakh from the point of view of international law; the importance of maintaining stable relations with Erdogan's Turkey). Noteworthy the six-week war has changed the configuration of forces in the region. It led to the transformation of the poles of influence in the South Caucasus. Turkey has significantly strengthened its position as a regional factor, while Russia, on the contrary, has faced challenges and pro-Western development vectors among the former USSR countries.

Keywords: The Second Karabakh War, Azerbaijan, Armenia, Turkey, Russia, Nagorno-Karabakh, Transcaucasia

For citation: Agamaliyev S.M. The role of Neo-Ottomanism and its features in the context of the Second Karabakh War: Russian-Turkish partnership. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):236-248. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248>

Received 13.04.2024

Revised 28.05.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Вторая карабахская война стала подтверждением провала попыток урегулирования армяно-азербайджанского конфликта практически тридцатилетней давности, имевшим место после первой карабахской войны в 1994 г. Так называемая

«замороженность» и статус-кво конфликта в долгосрочной перспективе, не устраивала ни Азербайджан, ни Армению, однако в начале XXI в. ни одна из сторон не обладала военно-техническими возможностями для открытого наступления

и включения в свой состав территории Нагорного Карабаха.

В послевоенном урегулировании наиболее активное участие извне принимали Россия и Турция в целях обеспечения безопасности в Закавказье и удержания влияния на постсоветском и тюркском пространстве. Однако во Второй карабахской войне позиция России была гораздо более нейтральной, что объяснялось трансформацией геополитического расклада сил в регионе. Если в Первой карабахской войне за Россией еще сохранялся сильный образ лидера для стран Южного Кавказа после недавнего распада СССР, то спустя 28 лет произошла значительная диверсификация внешнеполитических связей стран региона, где Турция заняла место одного из ключевых ориентиров и партнеров для Азербайджана. В качестве доктринального лозунга страна поддерживала принцип «Один народ — два государства», преследуя тем самым реализацию неоосманского проекта опираясь помимо этого на фундаментальные инструменты идеологии туранизма. В отличие от России, Турция в 2020 г. выразила более явную активность в ходе конфликта в связи с усилением идей неоосманизма в сочетании с пантюркизмом и стремлением к региональному лидерству, что привело к смене баланса сил на Южном Кавказе.

КОНЦЕПЦИЯ НЕООСМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

Турция еще задолго до начала Второй Карабахской войны заняла позицию ключевого союзника Азербайджана. Здесь большую роль играла этническая, религиозная и культурная близость государств. Это обуславливало дружеские отношения

стран, выражалось в принципе «одна нация — два государства». В контексте Второй Карабахской войны, турецкий неоосманизм проявился через участие Турции в поддержке Азербайджана. В частности, Турция сыграла важную роль в модернизации азербайджанской армии и военной промышленности в начале XXI в., с 2003 г. осуществляя материальную, профессиональную и техническую помощь пограничным службам и Национальной армии Азербайджана [1].

Интерес Турции в решении конфликта в пользу Баку обусловлен доктринальной основой неоосманизма в сочетании с идеологемой пантюркизма на которые она опирается. Как справедливо отмечают М.А. Шпаковская и О.В. Барнашов «неоосманизм — идеология, которая стремится выйти на более широкий геополитический охват, используя географические преимущества Турции, находящейся на стыке Востока и Запада, это синтез турецкого ислама, привнесенного во внешнюю политику [2]. Особенность заключается в том, что и Азербайджан, и Армения находятся на стыке трех историко-геополитических проектов — неоосманизма, исламского мира, пантюркизма, где геополитическим соперником Турции в Закавказье исторически выступает Ереван. Армения выступает в роли территориального барьера отделяя эксклав Нахичеваня от тюркского мира через Сюникский регион. Поэтому Турции была выгодна разблокировка транспортных коммуникаций и создание проекта «Зангезурский коридор», который позволил бы ей получить прямой доступ в Центральную Азию, с преобладающим количеством тюркоязычных государств. Проект юридически мог закрепить соглашение от 9 (10) ноября 2020 г.¹

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10.11.2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 31.10.2023).

По мнению ведущего российского турколога В. Аваткова [3], эрдогановская Турция провозглашает себя лидером «трех миров», в которые входят:

1. Постосманский мир — предполагает продвижение политической концепции неоосманизма антиподной кемализму на восстановление влияния, которое имела Османская империя. Османское наследие интересно тем, что имеет прямую связь с текущими событиями. Ее суть заключается в расширении сфер влияния Анкары в странах, входившие в юрисдикцию Порты². Исходя из этого, нынешняя территория Армении и Азербайджана по определению входят в зону геополитических и экономических интересов Турции, так как были исторически в ее составе.
2. Исламский мир — влечет за собой идею объединения мусульманских стран под лидерством Турции. Турецким академиком и экс генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества (ОИС) отмечается тот факт, что турецкие султаны считались халифами, т.е. покровителями религии и святынь в Мекке и Медине с момента завоевания султаном Селимом I этих территорий [4]. В связи с чем, Эрдогановская Турция апеллирует к тому, что Османская империя была лидером всего мусульманского мира. Стоит отметить, что современную неоосманскую Турцию отличает религиозная толерантность между суннизмом и шиизмом. В качестве доказательства можно привести в пример речь президента: «Моя — религия не суннизм или

шиизм. Моя религия — ислам»³. Этим обусловлено расширение международной новостной повестки шиитским Азербайджаном среди мусульманских стран, где заявляется об уничтожении мечетей в Нагорном Карабахе Арменией.

3. Тюркский мир — подразумевает интеграцию тюркоязычных государств и народов, центром притяжения которой является Турецкая Республика. Существует множество трактовок пантюркистской идеи. Например, основоположник пантюркизма в Российской империи И. Гаспринский утверждал лишь о консолидации тюрков в рамках языковой и культурной идентичности [5]. Н. Атсыз предложил альтернативную интерпретацию пантюркистской концепции и заявлял о необходимости создания единого тюркского государства — Туран. Это подтверждается его письмом экс премьер-министру Турции Ш. Сараджоглу: «Мы тюрки, а тюрки всегда остаются тюрками. Для нас тюркизм в крови столь же важен, как и в сознании и культуре. Мы не те тюрки, которые ослабеют или уменьшатся. Мы тюрки, которые растут и намереваются расти дальше. И мы всегда будем работать над этим»⁴. Исходя из исторической ретроспективы неудивительно то, что, приняв сторону Азербайджана, Турция вела собственную игру, действуя в рамках объявленной стратегии возрождения «Великого Турана». Разумеется, пантюркистская стратегия возрождения «Великого Турана» Р. Эрдогана в настоящее время, утопична и труднореализуема, однако

² Порты (Великая Порты) — официальное наименование правительства Османской империи принятое в дипломатических кругах

³ Эрдоган: в отношении к исламу в мире проводится политика двойных стандартов. 11.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161011/1478974310.html> (дата обращения: 10.01.2024)

⁴ Нихаль Атсыз (1905–1975) — турецкий писатель, крупнейший теоретик пантюркизма и политический деятель. Осужден в итоге судебного процесса расистов-туранистов за ультраправые взгляды. Nihal Atsyz'in Mektubu. 05.08.1942. URL: <https://www.oocities.org/tokatulku/nihal.htm> (дата обращения: 11.01.2024)

может представлять угрозу своими националистическими корнями в связке с наибольшей по численности армией среди стран-членов НАТО. В то же время, исходя из вышеописанного, очевидно, что современный неоосманизм реализуется в связке с исламом и тюркизмом.

ФАКТОР НЕООСМАНИЗМА И АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКОГО СОЮЗА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ СИЛ В РЕГИОНЕ

Реальные предпосылки, указывавшие на активизацию и потенциальную горячую фазу конфликта, имели место задолго до осени 2020 г. После фактического проигрыша в Первой карабахской войне, целью Азербайджана стала модернизация военно-технической базы и промышленности, что перешло в активную фазу в начале 2000-х годов после прихода на пост президента страны Ильхама Алиева в 2003 г. была усилена военная риторика, рассмотрена политика военных расходов, значительно увеличено финансирование и расширено военно-техническое сотрудничество с внешними партнерами, в первую очередь с Турцией [6]. Ключевую роль в этом сыграл фактор неоосманской Турции под лидерством Партии справедливости и развития (ПСР), которую возглавляет нынешний президент Р.Т. Эрдоган. Под его руководством страна выдвигает себя на роль региональной державы. Фактически, это означает прямое участие Анкары в геополитических процессах Южного Кавказа.

Активность Анкары в регионе также объясняется заинтересованностью в обеспечении стабильной работы энергетических и транспортных проектов, что напрямую затрагивает энергетическую безопасность Турции. Открытие

нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан в 13 июля 2006 г. еще больше сблизило Азербайджан с Турцией по линии торговли энергоресурсами на международных рынках, а также закрепило за Анкарой роль важнейшего экономического партнера Баку. В дальнейшем, открытием газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум 25 марта 2007 г. продолжилась кооперация в энергетической отрасли и с Грузией, что особенно усилило позиции Турции во всем регионе Южного Кавказа после Пятидневной войны 2008 г. и разрыва дипломатических отношений Грузии с Россией [7].

В начале двухтысячных годов в регионе фиксировались перестрелки и военизированные столкновения, кульминацией чего стала четырехдневная апрельская война в 2016 г., тем не менее, никак не изменившая статус Нагорно-Карабахской Республики. С другой стороны, произошедшее обострение отчетливо продемонстрировало результаты совершенствования военно-технической промышленности Азербайджана, где наблюдалось преимущество над возможностями Армении [8]. Все вышесказанное привело к усиленной военной риторике Баку, уверенной в поддержке братской страны, которая не раз апеллировала к потенциальному военному вмешательству в конфликт в случае надобности. Накануне событий шестинедельной войны военная поддержка резко возросла: за 9 месяцев 2020 г. продажа Турцией военной техники Азербайджану составила 120 млн долл. [9]. Одной из ключевых позиций среди полученной Баку техники стали поставки комплектов БПЛА Bayraktar TB 2 и американских истребителей F-16, обеспечившие существенный перевес Азербайджану в ходе боевых действий. В целом, азербайджанская сторона одержала победу преимущественно за счет турецких БПЛА,

зафиксировав беспилотники в качестве успешного стратегического оружия.

Помимо постоянной военной поддержки наблюдается трансформация турецкой дипломатической риторики от «осторожного подхода» администрации Т. Озала в период первой Карабахской войны к уверенному укреплению своих и азербайджанских интересов Р.Т. Эрдоганом. Экспрезидент Т. Озал заявил весной 1992 г., что Турция примет нейтральную позицию в конфликте, в случае, если не произойдет расширение войны [10]. Неоосманская Турция при Р.Т. Эрдогане окончательно определилась в пользу Азербайджана. Например, в 2016 году на съезде общества Красного полумесяца в Анкаре он заявил: «Однажды Карабах непременно вернется к своему настоящему хозяину, снова станет азербайджанским»⁵.

Аналитики Университета развития Стамбула Гючлю Кесе и Кейсуке Вакисака указывали, что поддержка Азербайджана была предпринята Турцией и для улучшения внутривосточной обстановки. В результате, такой ход сыграл благоприятную роль внутри страны, поскольку стал сильным объединяющим фактором не только среди националистов, но и для всего партийного и общественного мнения Турции в стремлении помочь братскому народу [11].

В 2010 г. был подписан Договор «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой» (утвержден в 2011 г.)⁶, который предусматривал

военную поддержку и коллективную оборону государствами в случае нападения третьей стороны [11]. Шушинская декларация 2021 г.⁷ стала продолжением Договора о партнерстве 2010 г. и продемонстрировала переход азербайджано-турецких отношений из плоскости стратегического партнерства в область союзнических отношений. К моменту подписания Декларации за 30 лет существования независимого Азербайджана отношения с Турцией прошли поэтапную институционализацию и достигли высокого уровня взаимодействия. Можно предположить, что в дальнейшем Турция продолжит активное наращивание своего присутствия в регионе посредством развития отношений с Азербайджаном. Поддержав Баку во Второй карабахской войне и укрепив свои позиции в Азербайджане, Турция получила больше возможностей для расширения своего влияния, в том числе, в Центральной Азии.

РОССИЯ И НЕООСМАНИЗМ

Отношение России и современного турецкого государства характеризуются сложностью и многогранностью. Обе стороны являются важными участниками геополитического пространства, где их взаимодействие может варьироваться от сотрудничества до конкуренции. Как считает В. Аватков, неоосманизм это некий симбиоз ислама и национализма, различных идей и теоретических установок как, например, неопантюркизм

⁵ Эрдоган заявил о поддержке Азербайджана в карабахском конфликте. 04.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160404/1402255350.html> (дата обращения: 13.02.2024)

⁶ Президент Турции утвердил Договор «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой». 29.03.2011. URL: https://azertag.az/ru/xeber/prezident_turcii_utverdil_dogovor_o_strategicheskom_partnerstve_i_vzaimopomoshchi_mezhdu_azerbaidzhanskoi_respublikoi_i_tureckoi_respublikoi-744400 (дата обращения: 31.10.2023).

⁷ Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. 16.06.2021. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122> (дата обращения: 02.11.2023).

и панисламизм, ориентированных на расширение сфер влияния Турции [3]. Это определение логически обосновывает соперничество Москвы и Анкары на постсоветском пространстве, в тюркском мире и на Ближнем Востоке.

Представляется, что довольно сложно определить степень угрозы неоосманизма и пантюркизма для России. Официальная точка зрения была высказана в ноябре 2021 г., пресс-секретарем президента России, Д. Песковым, который знает страну и как тюрколог. Комментируя появление в прессе фотографии Р.Т. Эрдогана и лидера националистической партии Д. Бахчели на фоне карты тюркского мира, куда входили территории РФ он заявил: «Действительно, есть общность — культурная, историческая тюркского мира», однако при этом, подчеркнув, что действительный центр тюркского мира расположен не в Турции, а на территории Алтая⁸. В кемалистских и националистических кругах Турции принято считать, что именно Россия и Армения исторически причастны к распаду Османской империи и являются геополитическим препятствием на пути образования Турана. Опираются они на то, что Османская и Российская империи на протяжении истории считались противниками, и воевали в общей сложности 12 раз, а основная территория тюркского мира расположена на международно-признанных территориях РФ. С другой стороны, Россия вела свою геополитическую игру, позиционируя себя покровителем славянских

и христианских народов, проживавших на территории Османской империи.

Неоосманская концепция Р.Т. Эрдогана более сдержанна в этом вопросе и заявляет о трансформации конфронтационной тенденции в российско-турецких отношениях в пользу партнерства, ссылаясь на экономические и политические проекты, объединяющие страны. На сегодняшний день Турция — один из важных внешнеэкономических партнеров РФ, а их кооперация закреплена такими проектами, как: «Аккую», «Голубой поток», «Турецкий поток», а также Трансанатолийским и Трансдариатическим газопроводами. Общий объем товарооборота России с Турцией в 2022 г. достиг рекордных 68 млрд долл. В 2023 г. он составил 48,5 млрд долл.⁹, что объясняется снижением товарооборота и корректировкой цен¹⁰. Турция сумела достичь положительной дипломатической динамики с Россией. Это подтвердил президент В.В. Путин в 2020 г.: «У нас расходятся часто взгляды на отдельные вопросы с президентом Эрдоганом. Может, иногда даже противоположные взгляды. Но это человек, который держит слово, мужчина»¹¹.

Одновременно с улучшением российско-турецких отношений, с 2018 г. осложнялись отношения с Ереваном, так как внешнеполитический курс Армении принял более прозападный вектор, где экономическое и культурное сближение со странами Запада ошибочно воспринималось Арменией в качестве безоговорочной поддержки в случае

⁸ Песков прокомментировал карту тюркского мира, с которой фотографировался Эрдоган. 21.11.2021. <https://russian.rt.com/world/news/930276-peskov-karta-tyurkskii-mir> (дата обращения: 19.12.2023)

⁹ Товарооборот между Россией и Турцией снизился на 20%. 10.02.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/10/1019610-tovarooborot> (дата обращения: 14.06.2024)

¹⁰ Путин объяснил снижение товарооборота с Турцией корректировкой цен. 11.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21074675> (дата обращения: 14.06.2024)

¹¹ Путин заявил, что его взгляды с Эрдоганом часто расходятся, но он держит слово. 17.12.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10282945> (дата обращения: 28.01.2023)

военного столкновения с Азербайджаном. Прозападный вектор Н. Пашиняна продолжился и бывшим министром обороны Армении Д. Тонояном, визит которого в США в марте 2019 г. был предпринят, в том числе для того, чтобы заручиться поддержкой армянского лобби как в США, так и в западных странах в целом, после представления новой формулы Армении «новая война за новые территории» [12]. Переговорный процесс потерял всякое значение к лету 2020 г., когда Азербайджан совместно с Турцией, а Армения с Россией провели военные учения, на которых странами прорабатывались и закреплялись боевые навыки и боевое слаживание частей и подразделений, что послужило фактическим созданием условий для начала активных боевых действий в Нагорном Карабахе между Баку и Ереваном в результате приграничных военных инцидентов и обстрелов в июле 2020 г.¹²

Армения надеялась на моральную поддержку западных стран, в тоже время, ожидая активных действий со стороны России. Азербайджан не только значительно усиливал собственные силы, но и имел реальных сторонников и скрытых союзников в потенциальном конфликте. Этим было обусловлено невмешательством России в ход шестинедельной войны, что отличало этот конфликт в Закавказье от других на постсоветском пространстве, где Москва включалась в разрешение ситуации. Такая позиция России была обусловлена следующими факторами:

- Во-первых, сложившийся статус-кво вокруг Нагорного Карабаха был наиболее приемлемым в ситуации, где, с одной стороны, Армения являлась союзником в рамках ОДКБ, а с другой — юридически Нагорный Карабах рассматривался в составе Азербайджана. Именно этот факт послужил отсутствием оснований для ввода в Армению союзных войск ОДКБ.
- Во-вторых, в случае открытой поддержки Армении Москва бы столкнулась напрямую с Анкарой, что негативно отразилось бы на российско-турецких отношениях. России важно было сохранить стабильность в отношениях с Турцией как усиливающимся региональным лидером, членом НАТО и отчасти вовлеченной стороной в украинский конфликт [6].
- В-третьих, после прихода к власти Н. Пашиняна отношения с Россией ухудшились не только из-за усиления прозападного вектора во внешнеполитическом курсе, но и из-за роста антироссийских настроений в обществе. Например, в Армении при активном участии властей начали задерживать политических деятелей, которые выступали за тесные отношения с Россией. Экс-президент Армении Р. Кочарян¹³ и, занимавший пост Генсека ОДКБ Ю. Хачатуров, были обвинены в свержении конституционного строя в 2018 г.¹⁴ Губернатором Арагацотнской области,¹⁵ а позднее и помощником Н. Пашиняна стал Д. Геворгян, публично растоптавший российский флаг¹⁶.

¹² В Азербайджане заявили об ударе по опорному пункту армянских военных. 13.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200713/1574254496.html> (дата обращения: 15.06.2024)

¹³ Случаи ареста бывших и действующих глав государств. 05.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230405/arrest-1863058426.html> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁴ Генсека ОДКБ обвинили в свержении конституционного строя в Армении 13.05.2019. <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2018/5b5ae63f9a794702427fa1ab> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁵ В Армении человека, растоптавшего российский флаг, назначили губернатором. 13.05.2019. URL: <https://ria.ru/20190513/1553441012.html> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶ Давид Геворгян назначен помощником премьер-министра. 30.11.2022. URL: <https://www.ra.am/archives/79046/> (дата обращения: 31.10.2023).

В результате, для России слишком рискованным было каким-либо образом поддерживать армянские притязания на НКР, предпочтительнее было выступать в роли активного наблюдателя и миротворца, что она и сделала. Так, с официальной позицией, выраженной в согласии с правом Азербайджана на территорию НКР в соответствии с международным правом, и отсутствием прямого вмешательства в ход войны, Россия заняла позицию примиряющей стороны. При посредничестве Москвы было подписано трехстороннее Заявление о прекращении огня и военных действий в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией 9 ноября 2020 г.¹⁷. Тогда, ввод 1960 российских миротворцев в Нагорный Карабах и Лачинский коридор как реально присутствующей силы закрепил за Россией роль главного арбитра в армяно-азербайджанском конфликте¹⁸.

Несмотря на то, что Москва действительно сыграла серьезную роль в вопросе завершения острой фазы конфликта, что в первую очередь было крайне необходимо Армении в ситуации реальной угрозы для национальной целостности страны, а не только утере НКР, в Армении антироссийские настроения сохранились по причине обвинения в отсутствии военной помощи по линии ОДКБ. Однако, Москва резко снизила влияние Франции и США на ход конфликта, сопредседателей Минской группы ОБСЕ, что положительно отразилось на региональных позициях России [13]. Ввод миротворческих сил в зону боевых действий был предпринят в качестве попытки сдерживания прозападных настроений и в Армении, и в Азербайджане, в качестве нивелирования образа агрессора,

демонстрации статуса Москвы в качестве миротворца в регионе, сохранении нейтральных отношений с обеими сторонами конфликта.

ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ НА ФОНЕ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ АНКАРЫ

Необоснованно рассматривать завершение конфликта в пользу Азербайджана однозначно выигрышным для России, поскольку в действительности именно Турция получила гораздо больше политических выгод расширяя неоосманскую и пантюркистскую идею в регионе, что ослабило российские позиции. Во-первых, для Азербайджана окончательно отпала необходимость балансирования между Турцией и Россией, так как главная национальная задача по возвращению территорий, фактически была решена. Исходя из этого, исторически, в военном плане и культурно для Азербайджана привлекательна именно Турция. Более того, между Анкарой и Баку было подписано ряд стратегических соглашений в военной сфере, а принцип «Один народ — два государства» закрепился еще сильнее в политической повестке стран. Во-вторых, потенциальное открытие Сюникского (Зангезурского) коридора влечет за собой дополнительное вытеснение российских позиций в тюркском мире, так как географический барьер в лице Армении окончательно теряет свою актуальность, а Турция получает доступ к тюркским странам. Для России, такой рост влияния Турции среди тюркоязычных стран на постсоветском пространстве пока не критичен, но вызывает некоторую напряженность.

¹⁷ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁸ Russia's Role in Enforcing Peace 28.11.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/russias-role-in-enforcing-peace-in-nagorno-karabakh-stirs-hopes-bitterness-11606572000> (дата обращения: 14.06.2024).

В-третьих, Россия, как гарант соглашения, осознавала необходимость расширения границ внешнеполитической стратегии по отношению к Армении и Азербайджану при обеспечении безопасности в регионе, учитывая внешнеполитические интересы стран-сторонников Азербайджана: не только Турции, но и тюркских государств, а также динамику отношений стран исламского мира к развитию ситуации, позиции США как лидера блока НАТО, поддержку Баку Израилем для сдерживания Ирана и др. Оставалась и необходимость окончательного разрешения конфликта, а не перемирия, где невоенное урегулирование уже не имело шансов на успех.

Несмотря на то, что роль России в данной ситуации заметно снижалась, особенно, на фоне усиления Турции, Москва в наиболее приемлемом для себя формате предпринимала усилия по урегулированию конфликта. Присутствие миротворческого контингента в регионе, посредничество в разрешении конфликта и участие в дальнейших трехсторонних встречах с Азербайджаном и Арменией все же сохраняло за Россией статус заметного игрока в Закавказье.

В современных условиях, Южный Кавказ остается для России, не только важным транспортным узлом между Западом и Востоком, но и сосредоточением исторических и политических взрывоопасных противоречий между странами на южных границах России, которые демонстрируют все более прозападный вектор развития. Вследствие этого Закавказье превращается в скрытый плацдарм Запада, в регионе стабильно проходят военные учения сил НАТО, в частности, в акватории Черного моря [14]. Поэтому, вне зависимости от развития ситуации на других направлениях, для России всегда остается актуальным и необходимым стремление удерживать регион в зоне постоянного мониторинга.

Таким образом, с началом активных боевых действий во Второй Карабахской войне 27 сентября 2020 г. основными внешними игроками оказались Россия и Турция. При этом, позиции стран, равно как и их действия, осуществлялись в разном формате, что объясняется их целями и национальными приоритетами. Для обеих стран, регион Закавказья — стратегически и исторически важная зона, усиление влияния в которой, выступает важной составляющей внешней политики. Идеологические рамки неоосманизма и пантюркизма, которые используются Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом укрепили связи с Азербайджаном, который близок к тюркскому наследию и языку.

Окончание шестинедельной войны осенью 2020 г. между Азербайджаном и Арменией качественным образом изменило стратегический и геополитический расклад сил в регионе Южного Закавказья. Фактически, силовое присоединение НКР одной из сторон изначально было единственно действенным, поскольку долгосрочность конфликта, высокий уровень этнического национализма и исторической вражды Азербайджана и Армении были ярко выражены, а любые дипломатические методы воздействия не имели бы никакого глобального влияния. Подтверждением этому является и провал урегулирования конфликта посредством раундов переговоров в начале 2000-х годов между высокими представителями Азербайджана и Армении совместно с Минской группой ОБСЕ. Противоречие между юридическими правами Азербайджана на регион и фактической победой Армении в Первой карабахской войне, несовместимость принципа нерушимости государственных границ и права наций на самоопределение только усиливали конфликтогенный потенциал региона. В результате трехстороннего Соглашения

о перемирии между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом, подписанного 12 мая 1994 г.¹⁹, Нагорный Карабах де-факто стал независимой Республикой, де-юре непризнанной ни одной из стран мира, в том числе Арменией. Несмотря на то, что вторая война не привела к окончательному разрешению территориального спора, решительное завершение кей-са произошло в итоге контрнаступления Азербайджана в 2023 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вовлечение в конфликт Турции на стороне Баку является проявлением неоосманизма Р.Т. Эрдогана, поскольку в результате Второй Карабахской войны он усилил свое влияние в «3-х мирах», лидером которых ПСР себя провозглашает: тюркского, постосманского и исламского, частью которого исторически является Закавказье. В период Первой Карабахской войны Анкара не имела явно выраженной проазербайджанской позиции, так как не доминировал фактор неоосманизма. Однако, выстроив партнерские отношения с Азербайджаном и важнейшим геополитическим арбитром в регионе — Россией, Р.Т. Эрдоган применил «умную силу», которая выражалась в военно-дипломатическом подходе для урегулирования конфликта на выгодных для турецкой стороны и Азербайджана условиях. Особенностью неоосманизма также выделяется его связь с пантюркистской идеологией, которая исторически

была популярна среди националистических кругов в Турции. Таким образом, турецкий неоосманизм в конфликте привел к следующим результатам. Во-первых, победа и качественный перевес военно-технического оснащения Азербайджана были обусловлены широкой поддержкой Турции. Это продемонстрировало возможности влияния Анкары на выгодный исход конфликта и высокие технологические данные военной промышленности, что привело к росту оборонного и авиационного военного экспорта Турции. Во-вторых, Анкара сравнивала позиции с Москвой в вопросе реального мониторинга развития ситуации в регионе за счет подписания с Россией меморандума о взаимопонимании по созданию Совместного Центра по контролю за режимом прекращения огня в Нагорном Карабахе 11 ноября 2020 г.²⁰ Уже 30 января 2021 г. российско-турецкий мониторинговый центр был открыт возле с. Киямаддинли Агдамского района Азербайджана²¹. Этот район перешел под контроль Азербайджана по условиям трехстороннего Соглашения от 9 ноября, равно как и Кельбаджарский и Лачинский районы. Таким образом, ВС Турции располагались непосредственно на территории Нагорного Карабаха. В-третьих, еще большее сближение с Азербайджаном открывало для Турции возможности дальнейшего усиления присутствия в регионе и потенциально в тюркском мире. Такая перспектива стала реальной за счет подписания Шушинской

¹⁹ Соглашение о прекращении огня. Минобороны Российской Федерации П.С. Грачёву. МИД Российской Федерации А.В. Козыреву, В.Н. Казимирову. Личный онлайн-архив дипломата В. Н. Казиминова. 12.05.1994. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (дата обращения: 31.10.2023).

²⁰ МИД: Мы приветствуем меморандум о создании совместного российско-турецкого Центра по контролю за соблюдением режима прекращения огня в Нагорном Карабахе. 12.11.2020. URL: https://azertag.az/ru/xeber/MID_My_privetstvuem_memorandum_o_sozdanii_sovmestnogo_rossiisko_tureckogo_Centra_po_kontrolyu_zha_soblyudeniem_rezhima_prekrashcheniya_ognya_v_Nagornom_Karabahe-1640405 (дата обращения: 01.11.2023).

²¹ В Карабахе открылся российско-турецкий мониторинговый центр. 30.01.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10584995> (дата обращения: 01.11.2023).

декларации о союзнических отношениях Турции и Азербайджана 15 июня 2021 г. Декларация изменила конфигурацию сил с точки зрения региональной безопасности. Её основные пункты о коллективной защите в случае агрессии третьей стороны, всестороннем военно-стратегическом сотрудничестве, координации во внешнеполитическом секторе в рамках Совета стратегического сотрудничества высокого уровня и консолидации усилий по развитию сотрудничества в других областях, позволили Турции окончательно зафиксировать за собой статус регионального актора, способного проводить самостоятельную политику на Южном Кавказе, уверенно снижая влияния традиционных лидеров.

В начале войны, позиции геополитических сторонников и асимметричный характер возможностей Азербайджана и Армении предопределял исход конфликта: Азербайджан, поддерживаемый Турцией, против Армении, не имеющей

сильного протектора. Армянская сторона ошибочно трактовала значимость своих связей со странами Запада и выступала с громкими лозунгами о правах на НКР, еще больше подогревая непримиримость Азербайджана. Российское внимание было сосредоточено на украинском направлении, а противоречивое внешнеполитическое поведение Армении до начала боевых действий привело к ослаблению отношений с Москвой.

Сформировавшийся новый баланс сил в регионе вывел на первые роли Турцию, которая продемонстрировала свой военно-технический потенциал и геополитические амбиции. С учетом динамики азербайджано-турецких отношений и активности Турции в Закавказье, дальнейшее укрепление политического веса в регионе и за его пределами представлялось ожидаемым. Это происходило за счет России, влияние которой ослабевало, несмотря на её значительную роль в решении острой фазы конфликта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пестрецов А.Р., Бабилов И.М. Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы. *Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2017;1(41):106-110.
2. Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции. *Азия и Африка сегодня*. 2018;2:30-36
3. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции. *Свободная мысль*. 2014;3:71-78.
4. Иксаноглу Э. История Османского государства, общества и цивилизации: [в 2 т.] // Исследоват. центр Исламской истории, искусства и культуры. [пер. с тур. В. Б. Феновой]. Москва: Восточная литература; 2006. С. 562.
5. Исмаил Гаспринский. Полное собрание сочинений. Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2016
6. Кривопапов А.А. Вторая карабахская война в политико-стратегической ретроспективе. *Россия и новые государства Евразии*. 2022;3:149-160.
7. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia. *The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West*. 2005. pp. 85-102.
8. Агазаде М.М. Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? *Постсоветские исследования*. 2021;2:119-126.
9. Welt C., Bowen A.S. Azerbaijan and Armenia: The Nagorno-Karabakh Conflict. Congressional Research Service Report. 2021. 26 p.

10. Lowell Bezanis. Soviet Muslim e'migre's in the Republic of Turkey. *Central Asian Survey*. 1994;13(1):63.
11. Köse G., Wakisaka K. The Historical Dynamics of the Second Karabakh War and the Shift in Turkey's Policy: The Effects of the Syrian Civil War". *Karadeniz Araştırmaları*. 2022;19(74):311-327.
12. Ланцов С.А. Вторая карабахская война: предпосылки, причины, последствия. *Политические исследования*. 2022;3:96-107.
13. Гаджиев К.С. Южный Кавказ через призму Второй карабахской войны. *Россия и новые государства Евразии*. 2021;3:126-139.
14. Буторов А.С., Турава Г.М., Плиев С.М. Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе. *Постсоветские исследования*. 2022;8:780-786.

REFERENCES:

1. Pestretsov A.R., Babirov I.M. Azerbaijani-Turkish relations: achievements and problems. *Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2017;1(41):106-110 (In Russ.).
2. Shpakovskaya M.A., Barnashov O.V. The concept of neo-Ottomanism as a tool of "soft power" of Turkish foreign policy. *Asia and Africa today*. 2018;2:30-36 (In Russ.).
3. Avatkov V.A. Neo-Ottomanism. Basic ideologeme and geostrategy of Turkey. *Free Thought*. 2014;3:71-78 (In Russ.).
4. Ihsanoglu E. History of the Ottoman state, society and civilization: [in 2 volumes]. Research. center of Islamic history, art and culture. [transl. from tour V. B. Feonova]. Moscow: Vost. lit.; 2006. P. 562 (In Russ.).
5. Complete works of Ismail Gasprinsky // Simferopol: Institute of History named after. Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic. Tatarstan. 2016 (In Russ.).
6. Krivopalov A.A. The Second Karabakh War in Political and Strategic Retrospective. *Russia and the New States of Eurasia*. 2022;3:149-160 (In Russ.).
7. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. 2005. pp. 85-102 (In Russ.).
8. Agazade M.M. Second Karabakh war: who is really the winner? *Post-Soviet studies*. 2021;2:119-126 (In Russ.).
9. Welt C., Bowen A.S. Azerbaijan and Armenia: The Nagorno-Karabakh Conflict. *Congressional Research Service Report*. 2021. 26 p.
10. Lowell Bezanis. Soviet Muslim e'migre's in the Republic of Turkey. *Central Asian Survey*. 1994;13(1):63.
11. Köse G., Wakisaka K. The Historical Dynamics of the Second Karabakh War and the Shift in Turkey's Policy: The Effects of the Syrian Civil War". *Karadeniz Araştırmaları*. 2022;19(74):311-327.
12. Lantsov S.A. The second Karabakh war: prerequisites, causes, consequences. *Polis. Political studies*. 2022;3:96-107.
13. Gadzhiev K.S. The South Caucasus through the prism of the Second Karabakh War. *Russia and the new states of Eurasia*. 2021;3:126-139. (In Russ.).
14. Butorov A.S., Turava G.M., Pliev S.M. Features of Russian influence on ensuring regional security in the South Caucasus. *Post-Soviet Studies*. 2022;8:780-786. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сеймур М. Агамалиев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;
seymuraga@mail.ru

Seymur M. Agamaliev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia;
seymuraga@mail.ru